

слала своимъ министрамъ въ Варшавѣ. Послѣ этого, однако, дѣло это опять отложили въ Петербургѣ въ долгій ящикъ. Екатерина очевидно не чувствовала охоты заниматься имъ, а Панинъ не отдавалъ отчета себѣ въ его важности. Фридрихъ снова возобновляетъ свои настоянія, безпрестанно повторяя Сольмсу приказаніе разузнать въ точности намѣренія на этотъ счетъ императрицы. Онъ рисуетъ самыми мрачными красками ихъ положеніе, говоритъ объ обрацаемыхъ къ нему ими мольбахъ, представляетъ, что послѣ избранія короля отъ поляковъ ничего нельзя будетъ добиться, убѣждаетъ въ совершенной необходимости торжественной и энергической деклараціи въ пользу этихъ «несчастныхъ», на угнетеніе которыхъ онъ не можетъ смотрѣть равнодушно. Однимъ словомъ, онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы не дать Екатеринѣ отложить на время этотъ жгучій вопросъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: декларація въ указанномъ имъ смыслѣ была сдѣлана, а затѣмъ статья о диссидентахъ включена и въ *Pacta conventa*. Лазейка осталась открытой и скоро сослужила свою службу...

А что же дѣлала въ это время Австрія? Какъ она вела свою политику въ отношеніи Польши? Она дѣйствовала именно такъ, какъ указывали ея интересы, которые мы старались охарактеризовать выше. Она наблюдала за тѣмъ, что дѣлали другіе, старалась помѣшать насилію, насколько могла сдѣлать это, не рискуя зайти сама дальше, чѣмъ это было для нея желательно; затѣмъ, увидавъ, что тутъ нечего дѣлать, кромѣ какъ воевать, или устранившись, она отказалась отъ всякаго вмѣшательства. Въ началѣ она, какъ и Пруссія, искала сближенія съ Россіей; но всѣ ея попытки въ этомъ направленіи не привели ни къ чему и мало-по-малу отношенія обоихъ дворовъ сдѣлались болѣе, чѣмъ холодны. Когда начались польскія дѣла, Австрія поддерживала саксонскій домъ, какъ въ вопросѣ о герцогствѣ курляндскомъ, такъ и въ вопросѣ объ избраніи короля. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ поддержка эта была очень слаба, ограничиваясь исключительно одними интригами, платоническими совѣтами, да внушеніями. Декларация, сдѣланная австрійскимъ посломъ въ Варшавѣ, обѣщала съ ея стороны полнѣйшее безпристрастіе на выборахъ, а въ quasi-частныхъ бесѣдахъ съ разными лицами гр. Мерси заявлялъ, что хотя императрицѣ-королевѣ и пріятно было бы видѣть корону польскую на головѣ саксонскаго принца, но она, однако, нисколько не будетъ содѣйствовать этому и охотно согласится на избраніе націей природнаго поляка, лишь бы только вліяніе сосѣдей не привело къ раздробленію республики, потому